

Ли Му узнал голос, присмотрелся и увидел перед собой неземную красавицу. Он подумал, что, наверное, снова ошибается, протёр сонные глаза, потом ещё раз — но ослепительная красота никуда не делась.

Осторожно позвав её и сравнив с тем уродливым лицом, он убедился: эта красота казалась ещё более невероятной.

— Почему не прикажешь им отпустить меня? — Сусинь понимала, что без маски её могли не узнать, но даже объяснения не помогли — её назвали обманщицей.

Ли Му велел слугам отпустить её и внимательно осмотрел её лицо, не в силах отличить правду от лжи. — Сусинь, какое из твоих лиц настоящее?

Вопрос рассмешил её. — А как ты думаешь, Ли-гунцзы, какое настоящее?

Ли Му смущённо улыбнулся. Конечно, он надеялся, что настоящее — это вот это. Иначе, вспоминая прежнее лицо, он бы не смог есть даже суп с булочками. Но кто он такой, чтобы решать? — Решай сама... — пробормотал он.

Сусинь фыркнула — этот человек оказался забавным. — Настоящее — это сейчас.

Ли Му не особо верил. Если то лицо было уродством невиданным, то это — красотой несравненной. Зрение у него было не ахти, поэтому он подошёл ближе, взгляделся — и всё равно не мог понять. Неуверенно потирая руки, он протянул их к Сусинь. — Ли Му может...

Он хотел спросить, можно ли её ущипнуть — тогда, может, поймёт, настоящее ли лицо. Но слова застряли, и он выдохнул:

— Ли Му может... спросить, куда ты направляешься?

Он убрал руку, поправил растрёпанные волосы и сказал серьёзно:

— Третий принц приказал, чтобы ты пожила здесь некоторое время. В Линъяне тебя могут искать.

Сусинь закинула голову и рассмеялась. — Думаешь, кто-то меня узнает?

— Это... — Ли Му замаялся. — Сусинь, ты слишком... заметна.

Сусинь поняла, что он прав. Из-за этой внешности у неё уже были проблемы с Сун Чжиянем. Она вернулась в комнату и через некоторое время вышла, превратившись в пожилую женщину с бледной кожей, покрытой морщинами, маленькими прищуренными глазами и двумя большими волосатыми родинками на щеках.

Ли Му, снова разбуженный, увидел это зрелище и выплюнул глоток утреннего чая на пол. Он закрыл рот рукавом, закашлявшись — чуть не подавился.

— Ну, а теперь? — Сусинь покрутилась перед Ли Му.

Она даже сменила одежду. Никто бы не узнал в ней ту чернушку-Сусинь из дворца или ту красавицу, которой она была мгновение назад.

Когда Ли Му наконец откашлялся, Сусинь всё ещё хихикала, а её нарочито искажённое лицо корчилось от смеха. Ли Му не решался смотреть на неё, дёргая за рукав. — Сусинь, но ты и

теперь... очень заметна.

Сусинь сорвала с лица чёрную маску из глины. — А теперь?

Ли Му, набравшись смелости, взглянул — и тут же опустил глаза, приказав слугам запрягать повозку. Цэнь Цзибай наказал, чтобы с Сусинь ничего не случилось. Поэтому Ли Му, колеблясь и нервничая, решил, что, наверное, придётся сопроводить её самому. Но тут краем глаза он заметил, что У Чжо собирается уходить, и его осенило.

— Линъюэ! — громко позвал он.

У Чжо, услышав, как хозяин зовёт его по второму имени, почувствовал недоброе.

И точно, в следующую секунду он услышал коварное предложение:

— Сусинь здесь чужая, а ты давно в Линъяне. Может, сегодня ты проводишь её...

Сусинь нарочито подмигнула У Чжо, скорчив и без того искажённое лицо в ещё более ужасную гримасу, и проскрипела сиплым, как ржавый металл, голосом:

— Чтобы встретиться с одним человеком.

У Чжо, не ожидая такого, снова стал жертвой этого бесподобного уродства. Похоже, ядовитая госпожа была злопамятна.

Он слышал, что Сусинь меняет лицо, но раньше не видел красавицы, а теперь она снова превратилась в старуху. У Чжо совсем не хотелось с ней связываться, тем более что это была ещё и ядовитая старуха.

Но он не мог отказать ни Сусинь, ни Ли Му, мастеру интриг. У Чжо вздохнул про себя, не понимая, за какие грехи ему это наказание.

Сусинь направлялась в город Линъян, чтобы встретиться с Шэнь Ланом, но время было ещё раннее, и она не спешила. Повозка медленно катилась, а её причудливая физиономия мелькала перед глазами У Чжо. Он закрыл глаза, но в темноте продолжал видеть это лицо, которое даже начало светиться в воображении.

— Сусинь, ты ведь красавица, зачем же... — зачем так уродовать себя? — вздохнул У Чжо, не понимая. Если человек хочет остаться незамеченным, быть слишком красивым или слишком уродливым — неправильно. Обычное, ничем не примечательное лицо — вот что помогает слиться с толпой.

Сусинь фыркнула, думая про себя: «Так вам, любителям красоты, и надо!»

У Чжо и не подозревал, что в её глазах он уже превратился из поверхностного человека в настоящего развратника. Он погрузился в мучительные размышления о том, как избавиться от навязчивого ужасного образа.

О том, что Сусинь была введена во дворец Цэнь Цзибаем, знали немногие. Семья Чжоу, хотя и была в курсе, увидев, что госпожа Чжоу родила уродливого ребёнка, заподозрила Сусинь, но Цэнь Цзибай, рыдая, потерял сознание, и они не подумали, что он мог быть заговорщиком.

Цэнь Цзибай, воспитанный госпожой Чжоу много лет, не знал о своём происхождении и всегда был послушен старшим в семье Чжоу. Теперь, когда госпожа Чжоу умерла, семья ни за что не

отпустила бы Цэнь Цзибая, номинально принадлежащего к их роду.

Роды — дело опасное, и все мы рождены родителями. Те, кто знал подробности, — такие как Сун Чжияо и семейство Линь, — невольно считали, что Цэнь Цзибай поступил слишком жестоко. Что бы там ни натворила госпожа Цинь в прошлом, госпожа Чжоу воспитала Цэнь Цзибая почти тринадцать лет.

Сун Чжияо отнёсся к этому спокойнее — по его мнению, правитель должен быть твёрдым. Но госпожа Линь стала держаться от Цэнь Цзибая отстранённое. Она сама была матерью и знала, как тяжелы роды, особенно когда ребёнок рождается мёртвым...

Линь Цзинь позже догадался, что Цэнь Цзибай давно планировал убить госпожу Чжоу и организовал побег Сусинь из дворца. Но, несмотря на всю его жестокость, он оставался тем самым Сяо Чу, который во сне звал «Сань-гэ».

А те, кто радовался, тоже имелись. Госпожа Юй, её сын и Шангуань Мяо смеялись втихомолку. Чжоу Цзиншу умерла, оставив Цэнь Цзибая, слабого мальчика, — с ним будет легче справиться.

После похорон госпожи Чжоу Цэнь Цзибай не переехал в дом Линь. Он отправился в тёплый павильон просить аудиенции у Правителя Ся, сказав, что после смерти матери он не может находиться в покоях, где всё напоминает о ней, и каждый миг преисполнен скорби. Он попросил разрешения отправиться на северные земли, чтобы выбрать лошадей для Правителя Ся.

Правитель Ся никогда не отказывался от хороших лошадей, и, услышав, что Цэнь Цзибай хочет привести ему новых скакунов с северо-запада, он обрадовался. Но Цэнь Цзибай был ещё слишком юн, и Правитель Ся беспокоился за него. Он хотел переселить его в другие покои, но Цэнь Цзибай наотрез отказался, выглядя при этом измождённым. Правитель Ся, понимая, что во дворце тому тяжело, назначил его Начальником императорских конюшен и разрешил отправиться на северо-запад.

Цэнь Цзибай уезжал, чтобы избежать беды. Теперь, когда госпожа Чжоу умерла, госпожа Юй и Шангуань Мяо, у которой появился сын, начнут бороться между собой, и он, «сирота», станет их лёгкой мишенью. Лучше держаться подальше. Вскоре маленький принц Шангуань Мяо падёт жертвой госпожи Юй. И ещё одно событие должно было произойти в эту новогоднюю ночь — пожар в королевском дворце Ся.

В новогоднюю ночь дворец обычно освещён множеством огней, яркий, как день. Но слишком много огней — и вот уже вспыхивает пожар. В прошлой жизни в эту самую новогоднюю ночь во дворце Ся запылал огонь, испепеливший главный зал дотла.

<http://bllate.org/book/15933/1424062>